

Чигаскина Лидия Александровна

- Она даже разговаривать не могла.

- А это было на острове или где?

- Ну на острове она была, она убежала, вырвалась и убежала. Я – говорит – здоровая тогда была и убежала от них. Сняла с себя рубаху и разорвала на пополам и ноги маленько обвязала, чтобы – говорит – не так больно было. И убежала от них. Бежала, не знаю куда – говорит – бежала. Ну а потом выбежала, смотрю – говорит – чистое поле. Выбежала к реке, люди в лодке едут. Я – говорит – кричала, кричала им. Едут, едут мимо. А потом я сильней стала кричать. Они подъехали и меня увезли в Никольск, туда. Там ей ноги заживили. У ней все вот эти места, я видела, вот так вот все...

- А кто ей ноги обрезал?

- Ну ихние же. Они по двое.

- Те, которые были на острове? А за что?

- Исть то нечего было.

- Понятно, понятно.

- Они хотели, это, обрезать – говорит – тут же жарили на костре. И ели. Живой человек еще. Вот трое – говорит – едем и друг друга боимся. Так она рассказывала. Сама, вот прямо не может разговаривать.

- А откуда она вот была, скажите?

- Не знаю, откуда была. Я говорю, она раза два заходила к нам и все. Ну что она вот с отцом, с мужем каким-то жила, не знаю сколько.

- Она там в Никольском жила?

- Они только в больницу ее увезли туда и там ей ноги заживили. Такими рубцами, как разрезано было все ленточками эти ноги. И так оно и зажило у ней.

- Ну, она сейчас жива?

- А кто ее знает. Это же давно было.

- А как ее звали?

- Шурой.

- Шурой ее звали.

- Да. А фамилию я не знаю... Такая здоровая женщина. Я – говорит – здоровая тогда была, вырвалась и бежала, не зная куда.

- Тетя Лида, как ваша фамилия? Чигаскина?

- Чигаскина.

- А вы с какого года?

- С 1918 года.

- Вы здесь старожилом уже?

- Ну, я здесь в этой деревне с 1940 года живу. А родилась в Лукашкином Яре. И вот туда, еще отец мой живой был, мы там жили дык, это приходили люди с острова, бежали все искали.

- Это в Лукашкином Яре?

- Ну, железную дорогу искали. А где тут железная дорога? У нас никакой нету.

- Скажите, они были с разных мест? С разных городов?
- Дык, а кто их знает. Они всякие разные люди были...
- И умные и блатные были, да?
- Ну, конечно. Ну, к отцу подходили, а мы тогда еще молодые были. Это... просили: дай нам, пожалуйста, хоть соли. Ну, а у нас тогда это было так. Хлеб был и все. И отец им хлеба даст и соли. А то – говорят – что найдешь, так не с чем есть. Без соли плохо. Мужчины подходили...
- Какие-нибудь зверства были над этими людьми еще, кроме того, как обрезали ноги? Вот убивали их там, расстреливали? Видели ли что-нибудь такого?
- Ну, а вот эта тетенька рассказывала, вот, которая к нам заходила, приезжала которая с мужем. Просят – говорит – хлеба. Она (милиция) яму выкопают, возле ямы поставят и бах и все. Человек туда упадет, «вам еда» - говорит... Только вот это, мы рыбачили тогда еще, ездили вот по этой речке Назинской, ну там на самом берегу могила и огорожена досками. Люди, это которые жили здесь, они рассказывали, что это – говорит – у них самый хороший человек был. Они его похоронили вот так вот на берегу.
- На острове там?
- Нет, там вот на речке... У речки тоже много их людей было.
- Нет, а кто его похоронил-то?
- Ну, ейные же, что были привезенные... Их в речку туды же завозили. Знаете сколько там всяких домов, домики такие глиной, с крышей...
- По речке Назинской?
- Ну, крыши покрытые, крыша землей покрыта так. Скат сделан и землей насыпано.
- Скажите, а они когда были завезены?
- Не знаю.
- А когда их вывезли обратно?
- Это как-то один человек сбежал, так я слышала, но человека я этого не видела. Он сбежал отсюда и уехал там, где жил и сюда, это потом как... приехали и людей увезли. Начальство. А че получилось, это я не знаю, вот только слышала.
- Тетя Лида, скажите, вот в 1937 году вы не помните, кого у вас забирали?
- А я не помню. Год не помню, а тут вот где мы жили в Ирганкина, этого Кондратий, пришли ночью забрали и увезли.
- И он не вернулся?
- Нет, потом моего дядю, он в Криволуцке жил...
- А как фамилия дяди вашего?
- Колтышев Клементий Михайлович... Это военный налог тогда был, а у него платить-то нечем...
- Это во время войны было?
- Ну, наверное... И это он не мог заплатить, пришли и его забрали, увезли и тоже с концом. А куда увезли – кто его знает...
- То есть неизвестно до сих пор...
- Ну, ...

- А вы не пробовали написать в область?
- Я не могу писать ничего...
- А никто не помог вам, не хотели ли вам помочь?
- Может быть живого теперь уж нет, столько лет теперь...
- Скажите, тетя Лида, вы песни знаете вот с острова, не могли бы чего-нибудь спеть?
- Соловья нашли.
- Нет, спойте просто так. Нам нужны куплеты, народ что-то там сочинил. Как-то спойте, хоть немножко.
- Давайте (говорит Панова М.С.).
- У меня, к сожалению, мало времени, мы вот уже отправляемся, хотелось бы послушать и записать минут 5 – 10, не больше.
- Ну спой, Лида (уговаривает ее Панова).
- Ну ты спой сама.
- Ну я не знаю. Кабы знала б...
- Я не умею, не могу петь.
- Ну тогда словами скажите куплет.. Как вот вы помните...
- А черт ее знает, тоже башка не держится

В Нарыме не жизнь, а жестянка
Там убивали и ели людей
Убивали за паечку хлеба...

- А потом че-то вот, не помню.
- На острове это пели?
- На острове. Остров смерти называется. Мы еще с отцом приезжали тогда. А потом в обед так устали, таскали это все тут, делали, а в обед отец лег спать, и ему люди пришли, к нему говорит, вы почему тут свою палатку поставили, тут говорит, везде наши кости лежат, а отец проснулся, а тут же люди жили, он говорит, я такой страшный сон видел: пришли люди и говорят: ты зачем тут палатку поставил, наши кости везде валяются. Ну а в Ирганкино жили там по Пасылу (Басыл?) знаешь, Маруся?
- Ну, речка такая, речка такая. Стоит балаган вот такой, обставленный. Там ниче, ни сена, ниче нет. Мы сколько раз там проходили. Ну а кто жил там, в Ирганкино, вперед нас еще, они видели, как они человека убили и сидели кругом его и мясо обрезали, и тут же жарили. Но скелет, как мы проходили, лежит, как лежал, так и лежит. Голова и от рук все косточки и все.
- Они его убили и съели?
- Ну, убили и жарили и ели. Ну, голодные люди-то, так че. Это ж им исть надо. Я говорю, вот эта тетка рассказывала, мы – говорит – шли по два-три человека и друг друга боялись. Или мне смерть, или ему или кому другому.
- Может, еще вспомните, какие стихи или песни.
- Больше не могу.
- Ну ладно, ладно, спасибо вам, тетя Лида, а как ваше отчество?
- Александровна.
- А кем вы работали?

- А я кем попало работала. И дрова колола и все. И на пилораме работала, куда сунут... Муж после армии вот приехал, больной был, раненый. Нету его уже давно.
- А как вы сейчас живете? Как у вас?
- А-а сейчас. Как могу, так и живу.
- Одна живете?
- Ну ж сын у нее есть тут женатый (говорит Панова).
- Тут хоть как-то помогают вам власти?
- Пенсию получаю, 66 рублей, 52 было. Тогда же заработка не было. Тут еще напарница со мной одна... придем, носить нечего и пожрать нечего.
- А че зарабатывали-то, в колхозе в этом? (Панова)
- Полмесяца работаешь, работаешь, пойдешь аванс получать, а у меня еще 4 ребятшек было. А че там вот так вот в руку возьмешь и не видно. Пятнадцать рублей или десять рублей, ничего не стоила эта работа.

Записал и опросил Н.В. Кандыба.